

НЕСЫГРАННАЯ РОЛЬ

— Актерам психологической школы, к которой я имею честь принадлежать, очень трудно, если не сказать невозможно, создать образ, весь — от начала и до конца, от внешнего рисунка до внутреннего наполнения — кем-то за тебя продуманный и прочувствованный.

Это говорит Иннокентий Смоктуновский. Говорит сегодня, но имеет в виду свою давнюю работу над образом Ленина.

Многие ли кинозрители знают, что в свое время роль Владимира Ильича Ленина сыграл и Иннокентий Смоктуновский?

О новом поколении любителей кино нечего и говорить: фильм четверть века не появлялся на экранах. Но и зрители постарше могли увидеть эту картину только в том случае, если бы очень захотели: она прошла, как говорится, «третьим экраном» — в ограниченном количестве кинотеатров.

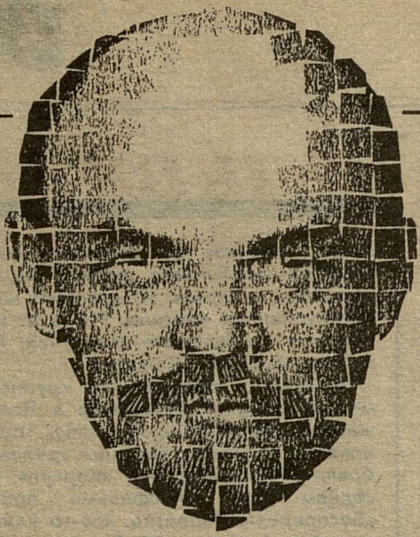
«На одной планете» (режиссер Иосиф Ольшангер, «Ленфильм», 1965) называлась эта лента. К особым удачам ее не отнесешь, но все же было в ней нечто, что одновременно одних притягивало, а других, наоборот, отвращало. Ленин, сыгранный Смоктуновским, был совсем не канонической фигурой. И внешняя схожесть оказалась другого свойства, и темперамент — иного качества. Ленин Смоктуновского не только не был благостным — он был жестким, нетерпеливым, он как бы спорил с той вереницей двойников, что длинной чередой за долгие годы прошла по экранам страны.

Но этой стезе не суждено было продолжения. Когда снимался фильм, новым морозом затягивало озерца хрущевской «оттепели» — особенно в сфере искусства и идеологии. А тут подоспело брежневское время «стабильности» — везде и во всем.

Сегодня на страницах «ЭС» об опыте работы над образом Ленина размышляют критик Яков Варшавский и Иннокентий Смоктуновский, давший короткое интервью по поводу давней роли.

(Окончание на 8—9-й стр.).

*Экран и сцена (прил. к сов. культуре) —
1990-19 апр (№ 15) - с. 1, 8-9*

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Вспоминаю конференцию актеров, сыгравших роль Ленина в театрах — больших, маленьких, столичных, провинциальных. Им, актерам, мне кажется, было неловко смотреть друг на друга. Ибо все они играли одно и то же.

Первые фильмы Ленинианы к тому времени уже называли классическими, но понятие, предназначенное для нерушимого и неопровержимого, прикрывало временное, подлежащее замене более основательными художественными ценностями. Неужели же снова доставать из коллективных пиджаки и пальто, тысячекратно повторенные в граните, бронзе, мраморе, в бесконечных копиях?

Михаил Ромм, чей кадр Владимира Ильича, склонившегося ласково над слабой девочкой, тиражировался грандиозными плакатами, установленными на фасадах кинотеатров, классиком себя не считал. Свои фильмы с Борисом Щукиным в главной роли студентам ВГИКа показывал, но сам их не смотрел.

С фильмом «Ленин в Октябре» у него были связаны такие воспоминания. Дни и ночи сидел он летом 1937 года над режиссерским сценарием, сидел комнату у знакомых, чтобы не отвлекаться семейными делами, но однажды среди

ночи к нему явился наряд с обыском. Ромм поставили к стене, скомандовали «Руки вверх!» и потребовали копии напечатанных на машинке страниц. «Я печатаю без копий», — спокойно сказал он. «Врешь, сволочь!» — закричал старший. Пишущую машинку унесли. Хозяин квартиры арестовали. Ромм снял комнату в другом доме, у другого приятеля, но и туда явился тот же наряд. Хозяина этой квартиры тоже арестовали. Под аккомпанемент ночных звонков, ударов ногой в дверь и сочинялся режиссерский сценарий о нашем великом прошлом и светлом будущем. Мог ли серьезный художник, каким был Михаил Ильич, не думать о связи прошлого с будущим? И он думал об этом в своем «Обыкновенном фашизме».

«Перестыная старые стелы, свои и чужие. Лениниана — священная сфера для художника, грозно предупреждает авторитарный критик. Тогда это считалось нормальным, и просто в голову не приходило, что не может художник сделать ни единого шага, если трепещет перед образом, который намерен воплотить. Любая тема становится для художника личной, исповедальной, если это действительно его тема, его роль. Или остается несыгранной».

Когда на «Ленинфильме» решили ставить сценарий Саавы Дангулова и Михаила Папавы «На одной планете», на роль Ленина был приглашен Иннокентий Смоктуновский. Правильный выбор. Кому еще играть неординарного, выдающегося человека? В экранизации Венгера по Толстому он сыграл роль эпизодическую, но назывался его персонаж так: «Гений». Нет такого аллюза в театральном и кинематографическом кодексах, но такова уникальная особенность этого артиста: наверняка, он, как никто, мог бы сыграть и Фауста, и Мефистофеля, и самого Гете.

В сочинении Дангулова и Папавы он нашел интересные события из жизни Ленина. Действие происходит в январе 1918 года, когда сплелось в узел множество чрезвычайных событий, даже простой их перечень по «Биохронике» поражает драматизмом. И захотелось Иннокентию Михайловичу сыграть — но не ту роль, которая была написана по параграфам «Краткого курса». Ленин поступает в сценарии согласно с известным постулатом: кто не с нами, тот против нас, никакого доверия буржуазным партиям. Союзные державы не желают выхода России из войны, чтобы большевики не обратили энергию страны на мирное строительство. Боялся этого. Какое коварство! А ведь Дангулову, многолетнему сотруднику министерства иностранных дел, было хорошо известно: в разгар переговоров с немцами президент США Вильсон обратился к Ленину с письмом, в котором писал, что считает для себя честным быть его современником, делает все возможное для того, чтобы помочь Советской России противостоять кайзеровской державе, но просит не заключать секретного договора с Германией. Это письмо Ленин сам срочно перевел для Троцкого, ведущего переговоры в Бресте. Широким кругам в нашей стране это интереснейшее послание осталось неизвестным. Только недавно в книге верного друга нашего государства Альберта Риска Вильямса письмо было опубликовано как документ о далеких днях.

История, как говорится, не знает сослагательного наклонения. Мы не знаем, что было бы, если б Ленин пошел на диалог с США, а не с Германией. Но на все, что произошло в стране, мы имеем право смотреть более трезво, чем прежде. Нас, например, учили, что разорившая страну продразверстка была последствием гражданской войны. Нет, это было не следствие, а

одна из ее причин: потерявшее право распоряжаться плодами своего труда крестьянство, пошедшее было доверчиво за Советской властью, подняло из-за разверстки оружие против нее и воевало в рядах белогвардейцев, махновцев, антоновцев и кронштадтцев. И рабочий класс показал себя не только в героической борьбе. Н. К. Крупская писала, что многие рабочие, оказываясь, понимали слово «хозяин» упрощенно, мелкобуржуазно. Одна работница жаловалась: ее рассчитали за то, что она отрезала себе на фабрике кусок материи на платье. Работница недоумевала: «Неужели нельзя, мы же хозяева».

Жизнь России оказалась куда более сложной и неожиданной, чем представлял себе Ленин в эмиграции.

Смоктуновский и хотел взорвать стереотипы всезнающего, имеющего на все готовые ответы кремлевского мудреца. Актер говорит сегодня, вспоминая работу над ролью: — Мне представлялся человек, у которого восторг победы сменялся тревогой, озадаченностью. Ведь обстоятельства были сверхтрудные! Настроение у него было более суровое, чем обычно изображают. Даже, наверное, воинственное. Никаких идилий! Когда фильм вышел, мне досталось как раз за непривычный тон. Во второй половине 60-х годов снова стали предпочитать державную величавость, благолепие. Я не хотел играть в этой роли упоение властью. Ленин мучился тем, что и сегодня заботит нас.

И Смоктуновский — случай не рядовой — берется за перо, чтобы переписать роль, приблизить ее к общей жизни, уйти от ходульности. Дангулов и Папавы, прочитав написанное, забеспокоились — не будет ли актер претендовать на гонорар? Смоктуновский успокоил их. Но удалось ли ему кардинально улучшить роль? Нет,

конечно. И не его забота писать заново написанное драматургами. История этой его роли — напоминание о том, что задача киоленинианы остается нерешенной.

Фильм не был ни запрещен, ни разгромлен в печати, его незаметно убрали с экрана, и вскоре о нем забыли.

А ведь без новой трактовки ленинской темы нашему обществу не обойтись.

Недавно Малый театр поставил пьесу С. Кузнецова о семье Романовых, о ее гибели в Екатеринбурге. Юрий Соломин играет бывшего императора человеком высокородным, любящим отцом большой семьи, ни к чему дурному не причастным. Кто же приказал расстрелять его? Драматург устами одного из сторонников Ленина сообщает: приказали Ленин и Свердлов. Верить, не верить драматургу? Брошен вызов официальной, если так можно выразиться, Лениниане. Если тайно казнен человек, не причастный к преступлениям, значит, нас призывают задуматься о нравственности революции. В чем она, революционная нравственность?

Появление такого спектакля сегодня вряд ли кого-нибудь удивит — включите телевизор, и вы услышите и увидите спор о Ленине в кругу историков, философов. Заново осознается (и это естественно) путь, пройденный нашим обществом, его бывшие идеалы, его нынешние проблемы.

В том ли задача, чтобы при этом дать побольше «негатива»? А может быть, надо «позитива» искать более мудро и талантливо, не повторяя прописи, не сведя дело к иллюстрированию хроники, обращаясь к коренным мотивам человеческого бытия?

Есть у Пастернака в «Высокой болезни» такие поразительные строки:

Он управлял теченьем мыслей
И только потому — странной.

И только потому люди с чистой совестью — такие, как Пастернак, — становились его сторонниками. Не в этом ли ключ к самому сложному образу современности, снова вызывающему жаркие споры, притяжение одних, отталкивание других. Где-то сносятся ленинский монумент, где-то складывают новые строки о нем — такая уж судьба у этого человека.

И не пора ли сегодня задуматься о фильме, посвященном Ленину?

Будущем фильме, который, может быть, станет новым словом в киолениниане. Оно необходимо сегодня.

Яков ВАРШАВСКИЙ.

наброски с натуры
Ю. К. Арцыбушева.